

УДК 130.2, 165.3, 165.4

Бахтин М.В.

*Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена*

КРИЗИС ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ

M. Bakhtin

Russian State Pedagogical University named after A. Hertsen

THE CRISIS OF EUROPEAN CULTURE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY AND HISTORICAL COGNITION

Аннотация. В статье исследуются причины утраты историческим знанием ведущего положения в системе гуманитарного знания в эпоху кризиса европейской культуры в начале XX в. Делается вывод о том, что её основной причиной стала неспособность системы ценностей идеалистического романтизма сформировать элиту, адекватную социальным вызовам. Это привело к социальным потрясениям и масштабной переоценке ценностей. Историческое знание было вытеснено на второй план новыми социальными науками.

Ключевые слова: кризис культуры, историческая эпистемология, историческое знание, социальные функции знания, социальный престиж знания.

Abstract. This article investigates the reasons for the loss of leading position by historical knowledge in the system of humanitarian knowledge during the early twentieth century crisis of European culture. It concludes that its primary cause was in the failure of idealistic romanticism to form elite capable of meeting social challenges. This resulted in social upheaval and massive re-evaluation of values. Historical knowledge was forced out to the backstage by new social sciences.

Key words: crisis of culture, historical epistemology, historical knowledge, social functions of knowledge, social prestige of knowledge.

Для эпистемологии современного социально-исторического знания период кризиса на рубеже XIX – XX вв. является ключевым, поскольку именно тогда сформировалась совокупность культурно-социальных связей, определяющая нынешнее место исторического познания в системе социального знания. Целью настоящей статьи является изучение причин, которые привели к утрате в этот период историческим знанием своего ведущего положения в системе гуманитарных наук и культуры в целом, а также некоторые философские интерпретации этого явления.

Кризис, или упадок, европейской культуры был возведён во второй половине XIX в., прежде всего, Фридрихом Ницше, Фёдором Достоевским и Львом Толстым. Поначалу пророчества кризиса воспринимались как нечто эксцентрическое, однако катастрофа Первой мировой войны и её последствия сделали кризис реальностью для сотен миллионов носителей европейской культуры. Наиболее значимые концепции, в которых обсуждается проблематика кризиса, принадлежат Освальду Шпенглеру, Карлу Ясперсу, Эдмунду Гуссерлю, Арнольду Тойнби, Мартину Хайдеггеру, Хосе Ортеге-и-Гассету, Николаю Бердяеву, Льву Шестову, Реймону Арону, Теодору Адорно, Мишелю Фуко, Юргену Хабермасу, Петеру Sloterdajку. Интерес к эпохе кризиса сохранялся на протяжении всего XX в., сохраняется он и сегодня.

Термины «декаданс» и «модерн» символизировали новое мироощущение, а мотив расставания с прошлым приобрёл однозначно позитивное звучание, имея другой своей сто-

роной энтузиастическое предвосхищение будущего. Представление о том, что «старое» время закончилось, а «новая» современность предвещает ещё более «новое» время – «пост-современность», присутствует уже не только тематически, но повсеместно определяет дискурс, включая сообщения СМИ, рекламу, бытовую коммуникацию и т. д. Вопрос о месте истории и исторического знания с самого начала был одним из центральных вопросов, обсуждавшихся в связи с кризисом. Для того чтобы уяснить себе, почему это так, кратко, даже схематически, охарактеризуем путь исторического знания в европейской культуре, начиная с эпохи Возрождения.

Не подлежит сомнению, что европейская культура Нового времени пользуется историческим знанием и располагает историческим сознанием как фундаментальными основаниями структур своей рациональности и практики. Обосновать это положение можно как экзистенциально-онтологически, так и культурно-исторически. В последнем смысле источником исторического сознания Нового времени является гуманизм эпохи Возрождения, который знаменовал собой коренное обновление идентичности европейского человека. История как наука и как такой производитель сведений о прошлом, который даёт максимально возможное речательство в их правдивости, получила здесь уникальный статус, который можно сравнить только со статусом философии в древнегреческом полисе. История стала центром и основанием самосознания как индивида, так и общества. Ответ на любой вопрос, касающийся сущности и цели бытия человека, общества и даже природы должен был содержать в себе отсылку к исторической определённости, вне которой этот вопрос просто терял смысл. Рационализм Нового времени, взлёт которого был связан с развитием естествознания, отчасти поставил под сомнение ценность историзма, но в эпоху Просвещения сомнения эти сменились приданием историческому знанию ещё большей значимости как части комплекса идей, обещавших устройство общества на началах гражданского порядка, справедливости и разума.

Романтизм как движение во многом контр-просвещенческое переместил на второй план все те цели историзма, которые могли быть полезными для конституирования естественнонаучного и гражданского разума, сконцентрировавшись на формировании этических и эстетических идеалов. История при этом в рамках предписанной романтическим идеализмом системы образования и воспитания приобрела доминирующий характер.

Здесь придётся принять во внимание ряд социально-политических обстоятельств. К концу XIX в. ценности романтического идеализма вошли в очевидное противоречие как с бурным ростом естествознания и техники, так и с существенными социальными изменениями в странах – лидерах европейской цивилизации. С развитием капитализма наступает кризис старых элит, кризис традиционных устоев общества, а на арену общественной борьбы выходит масса – новый субъект социальной реальности. Появление масс путает все социальные планы вскормленных романтическим идеализмом элит. Масса не готова к восприятию каких-либо идей, ценностей, культурных или социальных навыков в тех сложных формах, в которых они преподносились элитам.

Если ещё Просвещение не было рассчитано на массы, а предназначалось элите и среднему сословию, то социальные установки романтического идеализма менее всего предполагали беспокойство о том, как поведёт себя большинство. Как и в докапиталистические времена, оно не считалось ни заметным, ни влиятельным, хотя уже к середине XIX в. для непредвзятого наблюдателя было очевидно, что ситуация изменилась. Это до такой степени не согласовывалось с господствующими культурно-социальными установками элиты, что многие её представители просто отказывались видеть новую реальность. Раздражение, вызванное эмансипацией масс и капитализмом – как причиной этого явления, – оказывается мотивом, определившим социальные воззрения как Толстого, так и Ницше, как русских славянофилов, так и западноевропейских правых. Некото-

рые политики – представители старой элиты, такие, например, как Отто фон Бисмарк, не скрывали, что мирятся с явлениями новой реальности – парламентаризмом, прессой, с социал-демократическим движением – как с неизбежным злом [6, 112], а другие – политические верхи царской России – до последнего своего часа не желали мириться с ними ни в каком виде. Выходящее за рамки рационального поведения нежелание старых элит принять появление масс как исторически неизбежное явление, и происходящая отсюда, как следствие, неспособность своевременно и правильно реорганизовать социальную и политическую реальность оказались в ряду причин, приведших к той социальной и культурной ситуации, в которой стала возможна катастрофа Первой мировой войны.

Чем объяснить такое поведение элит? На протяжении большей части XIX в. элиты развитых стран воспитывались продуманной и отлаженной системой образования и воспитания в духе препарированного романтизмом Просвещения. В основе этой системы, сформированной, прежде всего, в Германии, Великобритании и Франции, лежало классическое образование. Предполагалось, что с его помощью станет возможным воспитать человека подлинной культуры, т. е. получить гармоническое сочетание совершенного интеллекта, благородного эстетического вкуса и высоких нравственных качеств. Привести к этому должно такое изучение литературы, истории, искусства античности, а также классических языков, которое, развивая интеллект учащегося, приобщит его к «золотому веку» европейской цивилизации, к незамутнённым формам прекрасного и нравственно совершенного. Причём изучение это было отнюдь не ознакомительным. Так, претендент на стипендию для обучения в университете Оксфорда сдавал несколько экзаменов, предполагавших, в том числе, сочинение стихов на древнегреческом и латинском языках [1, 321-417]. Конечно, не все кандидаты сдавали такие экзамены блестяще, но классическое и продолжающее его университетское образование в XIX в. не было образованием

для узкого круга лиц, как это было в XVIII в. и ранее.

В европейских странах, в том числе в России, а также в США, классическое среднее образование и университетское образование на протяжении десятков лет получили тысячи людей. В социальном отношении классическое образование, открывавшее путь к университетскому образованию и, тем самым, к соответствующей карьере, было компонентом соответствующих статусов. По данным, которые приводит американский историк Фриц Рингер, в 1887-1890 гг. число студентов прусских университетов, которые происходили бы из низших слоёв общества или из производительной части среднего класса (торговля и промышленность), составляло менее трети. В 1902 г. эта величина составляет уже почти половину, при том, что общая численность студентов выросла за этот период более чем вдвое [5, 52, 76-78]. Воспитательный и социально-дифференцирующий характер классического образования становится тем более очевидным, если вспомнить, что на протяжении XIX в. преподавание наук в университетах почти полностью перешло на национальные языки.

Отличие этого отношения к историческому знанию от подхода возрожденческого гуманизма состоит, прежде всего, в том, что для гуманиста история – это путь к античной духовной прародине, основополагающий источник его идентификации как личности и источник идей обустройства человеческого сообщества, в то время как в системе воспитания XIX в. историческое знание и сама античность превращаются в инструмент воспитания. Здесь важно учесть, что гуманистов, для которых имело место сказанное выше, можно насчитать несколько сотен, в то время как классическое образование в XIX в. получили сотни тысяч. В силу сказанного, это не неожиданно. Для того чтобы выстроить систему самоидентификации, альтернативную господствующей, необходимо быть персональной экстраординарной, – именно так мы и характеризуем гуманистов Возрождения, – а для того, чтобы пройти классическую гимна-

зию и университет в XIX в., достаточно было средних интеллектуальных данных и волевых усилий, находивших опору в социальном статусе (происхождении) учащегося и, на уровне среднего образования, в телесных наказаниях. Социальная и культурная идентификация шли при этом иными путями, оставляя историю царствовать, но не править, так что случившаяся реальная девальвация исторического знания оставалась спрятанной за фасадом культуры XIX в.

Может показаться, что система массового воспитания элиты и среднего класса, построенная на погружении в древнюю культуру, демонстрирует своего рода вынужденную капитуляцию общества перед современностью, признание своей неспособности выстроить систему действенных жизненных ориентиров в системе координат сегодняшнего дня. Однако это не так. Дело не в неспособности ориентироваться в настоящем, а в отчасти сознательном, отчасти бессознательном нежелании. Как уже говорилось выше, европейское сознание, начиная с эпохи Возрождения, есть сознание историческое, т. е. мыслящее в категориях истории и располагающее индивидуальной и коллективной исторической памятью (коммеморацией). Такое историческое сознание делает прошлое актуальным и действенным, но позволяет при этом чётко различать прошлое и настоящее, историю и современность. Эту черту новоевропейского сознания характеризует Шпенглер: «... Античная культура не обладала *памятью*, историческим органом в этом специфическом смысле. «Память» античного человека ... есть нечто совершенно другое, поскольку здесь отсутствуют прошлое и будущее в качестве упорядочивающих перспектив бодрствующей жизни и всё заполнено с решительно неизвестной нам мощью «чистым настоящим»...» [7, 135]. В европейской системе образования и воспитания античность, получившая сначала от романтизма возвышенный статус идеала, уводящего от филистерской реальности капитализма и государства, была взята с полным осознанием временной дистанции, по сути дела, как

идеологема, представляющая альтернативу и антитезу поиска понимания настоящего и будущего в самом настоящем.

Опасность такого положения ясно осознал Ницше, который первым критически поставил вопрос об историческом знании и его месте в культуре современности. Ницше писал, в частности, что «... историю могут вынести только сильные личности, слабых же она совершенно подавляет» [3, 189]. С его точки зрения, вред историзма состоит в том, что подлинная цель воспитания – учиться жить – теряется за изучением прошлого, а способность самостоятельно принимать решения разрушается привычкой обращаться к прошлому за советом. История должна занимать своё место знания, нужного для жизни [3, 223], но не должна подрывать её, превращаясь в «историческую болезнь» [3, 227]. Рекомендации по преодолению этой болезни, которые даёт Ницше, звучат довольно неопределённо. Речь идёт о необходимости «вернуться к своим истинным потребностям, заглушив потребности мнимые», вновь ощутить и воссоздать культуру не как то, что окультуривает, т. е. служит «маскировкой и прикрытием» на самом деле антикультурного, а как расширение и продолжение самой природы человека [3, 229]. Ниже мы рассмотрим, как у Шпенглера эта мысль получает более конкретное наполнение.

В описанной системе воспитания и образования с классическим наследием почти бесконфликтно сочетались элементы вновь появившихся идеологий, во-первых, националистических, возраставших на протяжении XIX в., и, во-вторых, прогрессистских. Современность неизбежно проникала за барьеры системы образования и воспитания, и очень скоро выяснилось, что это позволяет внедрять выгодную элитам идеологию. Емкую формулировку даёт американский историк и философ истории Алан Мегилл: «В девятнадцатом столетии дисциплина истории была очень тесно связана с расширением мощи европейского национального государства. В Германии, Франции и Англии, как и в Соединённых Штатах, историческая дисциплина,

недавно ставшая профессиональной, имела тенденцию служить идеологической опорой государства. ... В каждом случае имелся свой господствующий нарратив – «мастер-нарратив», – который охватывал всю историю нации, описывая ее развитие с самого начала, через пробуждение и рост национального самосознания, и до текущей борьбы за ее признание и торжество» [2, 117-118].

В известной мере опыт и развитый навык, даже, можно сказать, привычка к историзму сделали очень лёгким распространение идеологий – квазинаучных, но зато доходчивых построений. И если имеющие хорошее образование представители элиты и среднего класса в любой момент могли подвергнуть критике любую идеологию и, во всяком случае, не следовать ей слепо, то только что появившиеся на социальной арене массы не имели против идеологий никакого иммунитета. Ортега-и-Гассет в 30-х гг. XX в. так описал этот социально-психологический феномен: «... Специфика нашего времени не в том, что посредственность полагает себя незаурядной, а в том, что она провозглашает и утверждает своё право на пошлость, ... прежде в европейской истории чернь никогда не заблуждалась насчёт собственных «идей» касательно чего бы то ни было» [4, 322]. Оценка, которую даёт идеологиям Ортега-и-Гассет, однозначна: «... Идеи массового человека таковыми не являются, и культурой он не обзавёлся. Идея – это шаг истине» [4, 323]. И далее: «... его «идеи» – не что иное, как словесные аппетиты, наподобие жестоких романсов» [4, 325].

В большом числе случаев элиты не хотели видеть неизбежности процесса эмансипации масс, не могли смириться с приближающейся утратой статуса и прочими культурно-социальными сдвигами, сопровождающими формирование индустриального общества. Признать односторонность и даже бесполезность классического образования, равно как и социальных барьеров на пути в университеты, означало бы признать равную гуманитарным ценность естественных, математических и технических наук, а

вместе с ними – и новых социальных наук – экономики, социологии, политологии. Стоит, однако, разрешить представителям этих наук говорить слишком громко, как сообщаемое ими знание начнёт ставить под сомнение устоявшийся порядок. Поэтому не удивительно, что в то время когда Макс Вебер и Георг Зиммель создавали свои пионерские работы по социологии и политологии, большая часть научно-образовательного сообщества Германии отвергала необходимость эмпирического и практически ориентированного исследования общественных явлений, настаивая на приоритете ценностного подхода к ним [5, 426-438]. Иными словами, историческое знание в ситуации кризиса превратилось в одно из орудий социального и ценностного противоборства.

Сочетание небывалого подъёма наук с расцветом идеологий становится теперь объяснимым. Критически анализируя классическое образование и университет XIX в., мы не должны упускать из вида их необычайную продуктивность. XIX в. – это век поразительного роста европейской науки, и именно в Германии, где описанная выше система образования сформировалась раньше, чем в других странах, были достигнуты такие количественные и качественные успехи, что к началу XX в. Германия была мировым центром всех без исключения наук. Но словесный принцип получения образования и распределения социальных позиций сохранялся, как и предрассудки элиты, и та же Германия даёт нам пример наибольшей подверженности масс идеологическому воздействию и со стороны властей, и со стороны разнообразных оппозиционных политических сил. Наконец, здесь же возникают идеологии, исключительно далеко отходящие от исторической и социальной реальности. Элита продолжает игнорировать эти явления, полагая их малозначащими и будучи убеждённой в том, что идеологии нужны для канализации энергии масс, а массы, продолжая поддерживать существующий социальный порядок и привычно оставляя за элитой властные и экспертные функции, не чувствуют никакой

ответственности при погружении в мир тех или иных идеологических иллюзий. Шанс сформировать общество, представители различных слоёв которого были бы ответственными носителями основополагающих для него ценностей, не был использован, и лишь позже, уже во время и после окончания Первой мировой войны, когда кризис европейской культуры стал очевиден, не могли не возникнуть вопросы о том, почему существенно связанное с историческим знанием гуманистическое образование европейцев, а вместе с ним и их передовая наука плохо сыграли предназначенную им социальную роль, и почему именно в достигшей наибольших успехов Германии их провал оказался наиболее масштабным и драматичным.

Нет ли здесь связи? Ответ, охватывающий всё европейское человечество, дал Шпенглер. С его точки зрения, на рубеже XIX-XX в. Европа оказалась в ситуации «исторического стыка времён, занимавшего *предопределённое в ходе столетий место* в точно установленных границах большого исторического организма» [7, 184]. Этот предопределённый перелом истории – кризис – принадлежит истории как форме движения, т. е. имеет «морфологический» для неё характер, и состоит он, в терминологии Шпенглера, в *органической динамике культуры*, завершающейся состоянием цивилизации как «неизбежной судьбы культуры» [7, 163]. Черты цивилизации Шпенглер характеризует так: это финальное, предшествующее гибели состояние всякой конкретной культуры, это окостенение её форм, это «самые крайние и самые искусственные состояния» [7, 163], не способные уже к производству новых ценностей и реализующие себя в расширении и экспансии, проявлением которых оказывается империализм [7, 170]. Такая характеристика эпохи позволяет правильно расставить приоритеты и понять, что ценно, а что нет. Здесь Шпенглер, следуя Ницше, призывает к радикальной смене ориентации. Действительность, современность, «живая жизнь» объявляются гораздо более ценными, нежели безжизненные проявления цивилизации: «За роскошно ясные, высокоинтеллекту-

альные формы какого-нибудь экспресс-парохода, сталелитейного завода, прецизионного аппарата, изощрённость и элегантность иных химических и оптических процедур я отдам весь стильный хлам нынешних прикладных искусств с живописью и архитектурой в придачу. Я предпочитаю римский акведук всем римским храмам и статуям» [7, 179-180].

Подводя итог проведённого анализа, перечислим существенные для исторической эпистемологии причины, приведшие в период кризиса культуры к утрате исторической наукой и историческим знанием лидирующего положения в системе социально-гуманитарного знания. К ним относятся: эмансипация масс и разрушение сословного устройства общества, распространение идеологий, индустриальный капитализм и формирование общества потребления, империализм (как этап более современной глобализации), развитие науки и техники, в частности, военной и, наконец, обрушение статуса гуманитарного и, в первую очередь, исторического знания с его вытеснением иными формами социального знания и социальной практики. Попытка дать интерпретацию явлению переоценки исторического знания в эпоху кризиса приводит к выводу о том, что на рубеже XIX-XX веков произошло крушение системы культурных ценностей, сочетавшей в себе черты романтического идеализма и Просвещения. Способность рациональности, в том числе в форме исторического знания, давать ответы на ключевые вопросы жизни человека и социума была поставлена под сомнение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Коллингвуд Р. Дж. Автобиография. Пер. с англ. Ю.А. Асеева / Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология. Пер. с англ. Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В. М.: Канон+, 2007. 314 с.
3. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Пер. с нем. Я. Бермана / Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Том 1. М.: Мысль, 1990. 410 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Пер. с исп. А.М. Гелескула / Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М.: Искусство, 1991. 388 с.

5. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. Пер. с англ. Е. Канищевой и П. Гольдина. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 326 с.
6. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 368 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность. Пер. с нем. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. – 542 с.

УДК 008(1-21)

Гун Г.Е.

*Магнитогорская государственная консерватория
(академия) им. М.И. Глинки*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ГОРОДА: ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ СТРАТЕГИЙ

G. Gun

Magnitogorsk State Conservatoire (Academy) named after M.I. Glinka

CITY'S ARTISTIC CULTURE: RESEARCH EXPERIENCE

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме изучения художественной культуры города как системы. Актуальность изучения городской художественной культуры как системы связана с процессами урбанизации и возрастающей ролью городов. В настоящее время идёт процесс активного формирования методологической парадигмы, позволяющей рассмотреть город как целостный объект. В статье описываются эвристические возможности системного и урбанистического подходов при его изучении. Рассмотрены стратегии изучения художественной культуры и её внехудожественных аспектов на культурном поле города. Городскую художественную жизнь автор представляет как совокупность институционализированных и неинституционализированных форм производства, сохранения и воспроизведения художественных ценностей. В статье показан методологический потенциал урбанистических подходов для изучения художественной жизни современного города.

Ключевые слова: город, художественная культура, городская художественная культура, системный подход, урбанистический подход.

Abstract. The paper deals with the problem of the study of city's artistic culture viewed as a system. The topicality of the problem arises from urbanization and the influential role of cities in modern world. A methodological paradigm is being formed now to consider a city as a whole object. The article focuses on systemic and urbanist approaches to the study. The author considered the strategies to study artistic culture and its non-artistic aspects in city's cultural field. City's artistic life is viewed as a combination of institutionalized and non-institutionalized forms of production, preservation and reproduction of artistic values. The article also shows the methodological potential of urbanist approaches to study modern city's artistic culture.

Key words: city, artistic culture, city's artistic culture, systemic approach and urbanist approach.

© Гун Г.Е., 2011.